

Реликс Редорович Пергёнок не был моим личным другом. Я не знаю какие фильмы он любил смотреть (и любил ли он их вообще), не знаю что он любил читать. Мы общались - в мире ~~иде~~ книг, в мире идей, в мире, в котором он царил.

Надо объяснить как я с ним познакомился. По профессии я математик. Математика - наука сложная. Каждый из нас работает в очень узкой области. Во многих из этих областей во всём мире дай бог если наберётся несколько десятков человек способных легко понять техническую статью. Статьи из других областей математики понимать очень трудно - но надо, потому что, несмотря на кажущуюся раздробленность, математика всё-таки единая. Прогресс в каждой области происходит чаще всего тогда когда ученые понимают как использовать новые идеи ~~из~~ и результаты из других областей математики - или даже из физики.

В истории математики много тому примеров. Прогресс в геометрии,

связанный с именем греческого математика Эвклида, произошёл тогда к геометрии — это по-гречески значит «землемерие» и которая вначале и была землемерием — удалось применить идеи логики и логического мышления. В 17 веке Декарт показал, что геометрические объекты можно описывать координатами их точек — и значит, что можно использовать алгебру для решения геометрических задач. В XX веке Давид Гильберт использовал логику а Альберт Эйнштейн физику — и расцвела неэвклидова геометрия.

Как же математики узнают о других идеях если их так трудно понять? Иногда эти другие идеи становятся математической сенсацией, о них рассказывают на математических конгрессах, о них печатают обзорные статьи, понятные для всех математиков. Но это бывает редко. Чаще всего мы узнаём о других идеях из реферативных журналов, где математики регулярно излагают краткое содержание статей — в форме

попыткой для других математиков. Реферирование чужих статей - это нужно, но трудно, у некоторых получается лучше, у других немного хуже, но стараются все.

Иногда попадается интересная нематематическая статья с математическим содержанием - тоже стараешься её отреферировать. Как-то мне попала книга геолога Рудольфа Константиновича Балаидина, где идеи термодинамики открытых систем применялись к геологии, к атмосфере, к Вселенной. Я написал на неё реферат. Реферат Балайдину понравился. Мы стали переписываться, иногда встречаться (он жил в Москве, а я в Петербурге).

Балаидин и рекомендовал мне Реликсу Федоровичу для его серии Памятные Книжки ДАН. Я естественно заинтересовался. Каждая книжка этого ежегодного издания состояла из нескольких десятков эссе в рубрику Книг, наиболее значительных книг года, из которых отмечалась в этом

году. У меня не было сомнения что предложить как тему для сборника 1983 года. В этом году математики отметили 100 лет основополагающей книге Георга Кантора по теории множеств: для не-математика, множество это что-то смутное что в школе проходит но потом используют редко. Но для математика множества - это основание всей математики.

Эссе я написал, и пошёл показывать Реликсу Рёдоровичу на террасу Реску. Так я с ним и познакомился.

Потом я к нему ходил не раз. Он помогал мне ^{под}бирать книги, редактировать эссе, и не падать духом когда цензура вымаривала террасу злободневные намеки, ~~на~~ и он был конечно прав. Тогда я безумно злился на каждое вымаранное слово, а сейчас, перечитывая эти эссе, понимаю: не надо прямых намеков. Любому читателю для себя параллель между большим Галилео Галилеем, пытающемся заниматься наукой под контролем

инквизиции, и Большим Андреем Сахаровым у которого гедисты воровали его воспоминание в его нижегородской ссылке. Может ЛД, ушел даже Феликс Федорович, даже и лучше во катёнки у франц: в неуязвимой злободневности все эти эссе будут лучше штабел с тогачи зренье вечности. Да, эти книги злободневны - потому они и во франц, где сборников, но злободневны они будут всегда, а инквизиция и чекиды приходит и уходит. А книги остаются. Для вечности. Для столетий.

И Феликс Федорович жил в этой вечности. Аскетического вида, в аскетически убогой небольшой квартире, он поражал энергией и оптимизмом. Всегда улыбался, всегда находил что хорошее, он успокаивал. "Феликс" по-латыни значит "счастливый", и он был счастлив. Счастлив тем, что продолжает традицию гуманизма, традицию книг и идей. И счастлив он заразил.

У Галича в одной из песен есть припев "Но есть еще Герная река" - это нельзя дить оптимизмом, но всё-таки Пушкина убили. А для меня эти-то строчки звучали как надежда - на Герной реке жил Феликс Фёдорович, человек, который и коррировал всё плохое вокруг - и помогал пропагандировать науку, пропагандировать гуманизм - помогал пропагандировать лучшее. Его энергия, его счастье были заразительны. Когда я рассказываю своим американским коллегам (я теперь живу в Техасе) как плохо было при коммунистах, я давно перестал показывать свои петербургские фотографии - слишком счастливы у меня вид.

Как-то я был у него в гости, и он готовил еду: в духовке пёк картошечки. Счастливы светились его глаза, и результаты вкусными были эти картошечки - почти как в детстве картошка печёная в золе урасшего костра.

Последняя книжка появилась в 1989 году, и так получилось что в этом году для юбилей серии Классики Точных Наук, серии основанной Медведевским лауреатом Вильгельмом Оствальдом. Оствальд не только основал эту серию, он придумал систему резервирования, и он начал писать эссе и книжкам датам. Когда я писал про Оствальда, я не мог не думать о тех кто продолжает эту традицию сейчас - прежде всего о Феликсе Федоровиче.

А потом издание прекратили. Это сейчас может казаться что была победная поступь демократизации, а тогда так не казалось: то лучше, то хуже, как на американских Горках. То (почти) свободные выборы, то убийства безоружных учителей в Тбилиси. Я очень расстроился когда издание закрыли. Но я очень хорошо помню как Феликс Федорович, как всегда улыбался, сказал: это ж, поздравляю с завершением

опередного этапа русской эсесистимы.
А потом я эмбрировал.

В одном мн. с коммунистами
тогда сходился: в вере во всемогущество
слова. "В начале было слово." Библическая
права, а Фауст с тётё неправн. - не
дело было вначале, а слово, и мн. и
коммунисты верили Мэню Рейхтвангеру
что килограмм хорошо истисанной
лунаги может изменить мир сильнее
чем десятки револьверов. и мн. были
правн. Мир изменился. и я верю что
среди этого килограмма который
изменил мир - эссе которые писал
и редактировал Феликс Фёдорович.

И почти каждый год еду обратно,
и иногда я задаю себе некрасовский
вопрос "Народ освобождён, но
счастлив ли народ?" Я знаю, какой
ответ дал м. Феликс Фёдорович:
главное, что народ освобождён.

и один из тех деятелей духа, один из
тех героев, благодаря которым
народ освобождён - Феликс
Фёдорович Пергёнок